

К 556/42г

К Р О К О Д И Л

Рис. Л. Бродат

Прочная линия обороны...

НА ОДНОМ ИЗ УЧАСТКОВ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО» ОТХОДА

Рис. Ю. Ганфа

— О чем говорилось в последнем приказе генерала Рейхенау?

— Генерал приказал долго жить.

Горькая шутка

Все чаще и чаще в почте, среди писем германских солдат, встречаются листки папиросной бумаги, на которых переписаны от руки или отпечатаны на машинке шуточные стихи. Вот одна из таких горьких шуток:

— Что такое наш солдат в России?
— Солдат в России — это
Нередко голодающее,
Ни колбасы, ни масла не хлебающее,
Во вшах пребывающее,
Чесаться не прекращающее,
Грязного белья не меняющее,
Раз в неделю лицо умывающее,
Ежемесячно бороду сбрывающее,
О возвращении в Германию мечтающее
Человекоподобное существо.

Военнопленный

С войны — на колеснице из костей и черепов —
Домой он помышлял победно возвратиться.
Ему парад мерещился: он выйдет из рядов,
И фюрер сам прицепит крест к его петлице.

— Ты заслужил! — он прокрипит. — Поход крестом венчай же!
И на параде, заключив в объятиях своих,
Он бугаем его приставит высочайше
К загону целому ариек племенных.

Торжественно на хлев он сменит поле брани,
Дав бытие блудливому, себе подобному зверью;
И для войны грядущей лешту он заране
Преподнесет Германии посильную свою.

На страх он вырастит разбойничий приплод,
Под трубный звон вручит ему секиру с шельмой,
А там в припадке, может, также изрыгнет
Не то «Майн кампф» иль «Миф двадцатого столетия».

Не он ли вправе, как никто, по совести сказать
(Хотя от совести палач навек его избавил),
Что на войне он ни младенца не щадил, ни мать,
Держась преподанных ему кровавых правил?

Кто может в человечности ему швырнуть упрек?
Кто может укорить в мягкосердечьи мародера?
Не он ли прабил, губивал, насиловал и жег,
Где только ни встречал сопротивление и отпора?

От преступленья шагая к преступленью,
Империю чумы защитник и оплот,
Насовесть выполнил он палача веленья
И с гордостью к нему в объятия упадет:

— Сверкают «молнии»! Гремят побед фанфары!
Порядок новый твой повсюду мы введем!
В кладбища города превращены пожаром,
Селения подкошены разбойничьим ножом.

Пред фюрером своим представ в победном виде,
Он честь ему отдаст кровавою рукой.
Награда ждет его! Не быть ему в обиде.
Добрался б только он с трофеями домой!

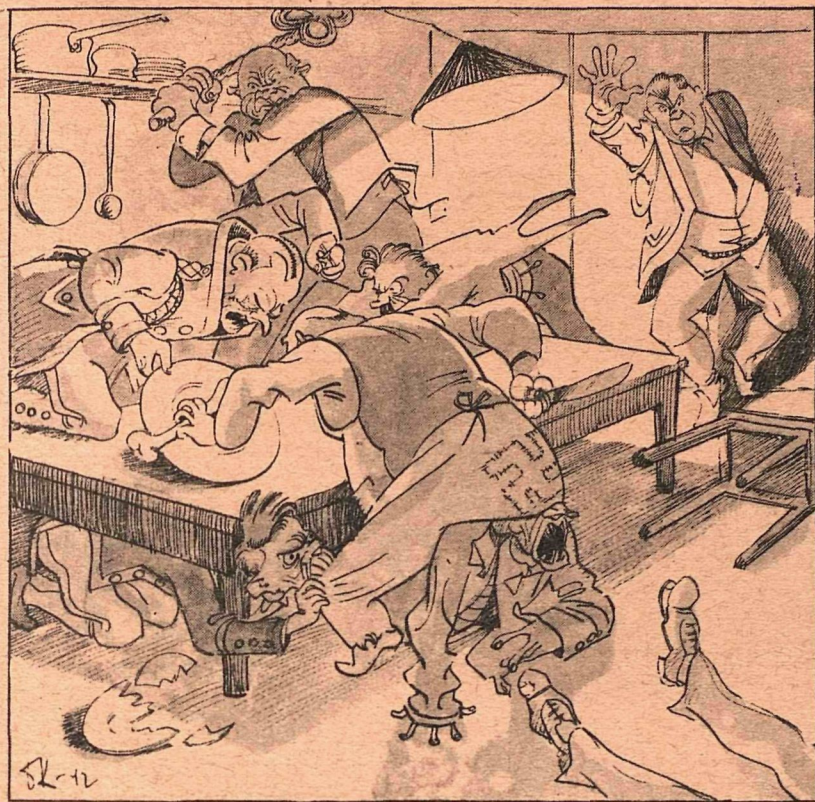
«А если, — думал он, — судьба не удостоит
Его приветливой улыбкою своей,
То, воротясь домой, он лавочку откроет
И станет торговать без хлопотных затей.

Товаров предостаточно! Ведь он во всяком кламе
Копался, ползая могильным червячком;
У женщин отрывал сережки он с ушами,
Им пальцы отрубал, прельщенный перстеньком.

Он прабил добросовестно — и мертвых и живых,
Чужую землю, как паук, опутав лишкой сетью.
Добрался б только он живьем до мест своих родных,
Сей гад и мародер двадцатого столетия...

Теперь в его груди — глухая злоба втупе
С животным ужасом. Со лба стирая пот,
Стоит он и, пустой, свинцовый взор, потупя,
Вознаграждения заслуженного ждет.

ПЕРЕЦ МАРКИШ

В ЛАКЕЙСКОЙ
(Во время очередной драки между Румынией, Венгрией и другими «союзниками»)

— Тише вы!.. Господа услышат!..

У ГОСПОД
(Во время «громкого разговора» между Гитлером и его генералами)

— Тише вы!.. Прислуга услышит!..

Письмо с того света ✓

ДОРОГАЯ Марта!
Во-первых, сообщаю тебе, что я не жив-здоров. Да, это факт: я умер окончательно и бесповоротно.

Дело в том, моя дорогая, что под Гжатском (есть в России такой город) я был убит.

Мы отступали, то есть планомерно отходили на заранее заготовленные зимние квартиры. Надо тебе сказать, что мы очень быстро планомерно отходили. Но тем не менее русская пуля догнала меня, ударила в спину и про-сверлила мой мундир и организм.

Пуля улетела дальше в западном направле-нии, а я, мертвый, упал на холодный снег.

Этим и объясняется то обстоятельство, что я тебе долго не писал. Но как только я очу-тился на том свете, я немедленно побежал в местное почтовое отделение, чтоб отправить тебе письмо.

Прихожу в почтовое отделение — ужасная толчея! Все наши: тут и пехотинцы, и артил-леристы, и танкисты, и летчики. Помнишь Фрица Миоллера? Представь себе, и он здесь. И Рихард Вейнер. И Эрих Гильдман. И Ру-дольф Клейн. Все здесь. Встретишь их род-ных — передай им от них привет. Как обра-дуются старики!..

Теперь хочу тебе кратко описать, как я жил, когда был жив. Я в ту пору служил ординар-цем у генерала фон Шнапса. Очень, доложу тебе, канительная должность. Все время надо было носиться на мотоцикле из одного штаба в другой.

Вызывает меня генерал и говорит:

— Немедленно езжай в Можайск с секрет-ным приказом.

— Слушаюсь! — отвечаю.

— Но по дороге тебя могут убить.

— Слушаюсь! — отвечаю.

— А если тебя убьют, то приказ может попасть в руки неприятеля. Поэтому никаких документов я тебе не дам. А передай устно

полковнику фон Бегау, чтоб он прочно закреп-лялся в Можайске и не смел планомерно от-ступать на заранее заготовленные зимние квар-тиры.

Я немедленно сел на мотоцикл и помчался в Можайск. Отъехал я километров десять, и вдруг меня нагоняет другой ординарец, покой-ный обер-ефрейтор Карл Гунде. Нагнал и пе-редал приказ генерала вернуться. Я, конечно, возвращаюсь.

Встречает меня генерал и говорит:

— Повтори мой приказ полковнику фон Бегау.

Я четким голосом говорю:

— Вы приказали, господин генерал, чтобы полковник закрепился в Можайске и не смел.

— Болван! — закричал генерал.

Я сразу догадался, что это относится ко мне, и поэтому ответил:

— Слушаюсь!

Но генерал счел нужным повторить, чтоб я лучше понял.

— Болван! — сказал он. — Ты все напутал. Я сказал, что надо закрепиться не в Можай-ске, а западнее — в Бородине. Запомни: Бо-родино! Закрепиться и не смей планомерно отходить на заранее заготовленные зимние квартиры. Езжай!

Я поехал. Еду и повторяю: «Бородино, Бо-родино, Бородино...»

Отъехал я километров восемь. Меня опять нагоняет покойный Карл Гунде. Опять генерал велит возвращаться.

Опять то же самое.

— Повтори. — говорит, — мой приказ.

Я четким голосом говорю:

— Вы приказали, господин генерал, чтобы полковник фон Бегау закрепился в Бородине и не смел...

— Идиот! — закричал генерал.

Из болванов он меня произвел в идиоты — чинном выше.

— Слушаюсь! — отвечаю.

— Идиот! — повторил генерал. — Ты все пу-таешь. Я приказал закрепиться не в Бородине, а западнее — в Уварове. Запомни: Уваров! Закрепиться и не смей планомерно отходить на заранее заготовленные зимние квартиры. Езжай!

Я поехал. Еду и твержу: «Уварово, Уварово, Уварово...»

Отъехал я километров семь. Опять нагоняет меня покойный Карл Гунде. Немедленно об-ратно к генералу!

Возвращаюсь. Генерал мне говорит:

— Повтори мой приказ.

Я четким голосом говорю:

— Вы приказали, господин генерал, чтобы полковник фон Бегау закрепился не в Уваро-ве, а западнее — в деревне Воробьевке. Закре-питься и не смей...

— Молодец! — сказал генерал. — Езжай!

Я помчался в Воробьевку. Подоспел вовремя. Наши планомерно улетывали на заранее за-готовленные зимние квартиры. Я тоже плано-мерно побежал, но тут меня настигла пуля, и вскоре я очутился на том свете, откуда и пишу тебе, дорогая Марта.

Здесь я и встретил полковника фон Бегау. Он был, извини, без штанов. При планомерном отходе не успел одеться.

Я стал перед ним во фронт и четким голо-сом говорю:

— Господин полковник, господин генерал приказал вам закрепиться в Воробьевке и не смей отходить на заранее...

Полковник прервал меня:

— Я лично объяснюсь с генералом. Мы ждем его здесь с часу на час.

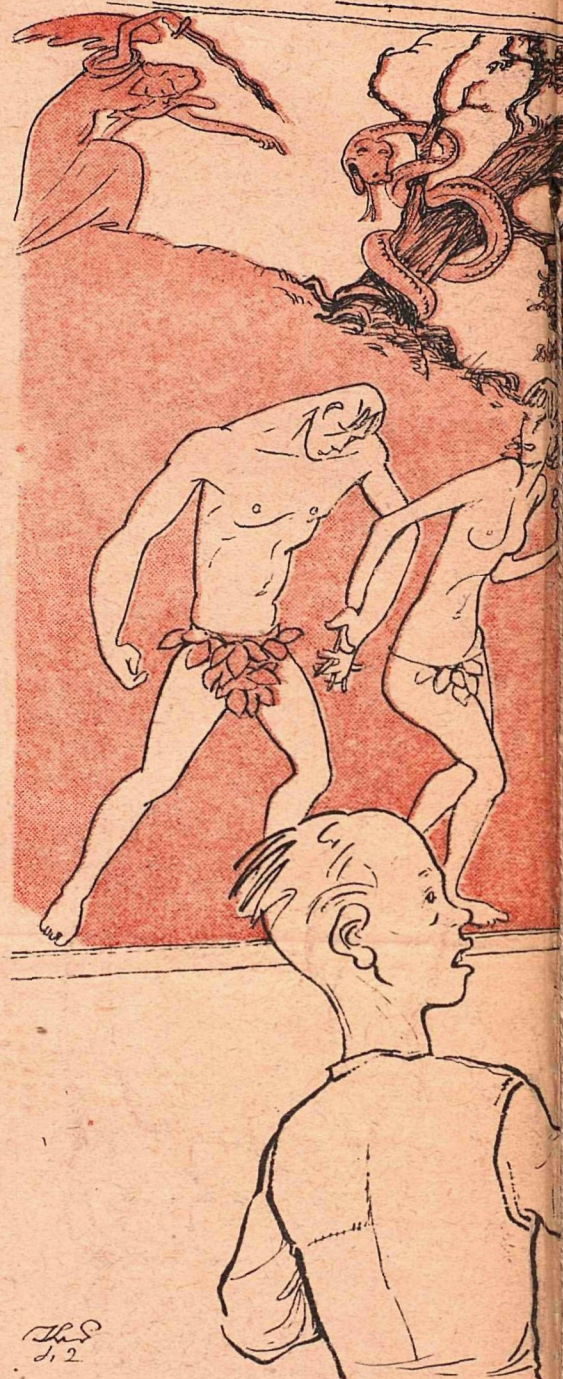
Я очень этому обрадовался: приятно встре-титься со своим начальником.

На этом кончаю письмо. Крепко целую: Твой покойный Фриц.

Г. РЫКЛИН

— Ну, и здорово бегут остатки «Голубой дивизии»!..
 Насилу их догнал.
 — Для чего?
 — Чтобы передать поздравление испанского командования с победой.

— Папа, разве в райо тоже про...

Толстой воюет ✓

(Сказка)

СИДИТ немецкий генерал Удерриан у себя в штабе, пьет кофий.

Вдруг входит к нему Лев Толстой — в крестьянском полушубке, на ногах — белые чешанки, борода — в янне. Строгий такой.

Генерал Удерриан, как его увидел, так и поперхнулся: кофий у него носом пошел. Отдышался, отплевываясь генерал и на Толстого:

— Партизан?!

А сам пистолет из кобуры рвет.

Лев Толстой ему говорит:

— Я не партизан. Я писатель Лев Николаевич Толстой. Может, слышали?

Поблещел генерал, глазки у него забегали. Щупает он себя за голову, глаза трет: стоит перед ним Лев Толстой жив-живехонек.

— Что вам угодно, Лев Толстой?

Лев Николаевич ему очень вежливо отвечает:

— Ты, сволочь этакая, у меня из дому кое-чего свистнул. Портрет с моей надписью собственноручной упер. Отдай немедленно!

Генерал Удерриан усмехается этак ядовито и говорит:

— Как же так? Вы, Лев Толстой, сами учили людей не противиться злу, и вдруг такие слова, как «сволочь» и «отдай назад»?

А Толстой ему в ответ:

— Я тогда людей учил, когда вас, чертей, еще на свете не было. Вы нашу родину загнали, погнали, запогнали да еще хотите, чтобы я с вами цацкался? На, генерал, прими от бывшего непротивленца!..

Развернулся да как стукнет генерала Удерриана по скуле — тот свалился с кресла и «мама» сказать не может. Лев Николаевич ведь ють и старичок, а крепкий: недаром за сохой ходил!..

Очухался генерал и завизжал:

— Запорю!..

Толстой ему:

— Не имеешь права. Я все-таки граф, ваше сиятельство.

— Расстреляю!..

— Попробуй!..

Зовет генерал Удерриан своих автоматчиков, командует:

— Казнить этого старика! Он партизан.

Автоматчики рады стараться. Подхватили Льва Толстого под руки, повели.

Вывели они его за гумно, поставили под сосну. Сами отошли на десять шагов. Стоит Лев Толстой под сосной, борода развевается, глаза, как уголья, горят.

Автоматчики уперли свои автоматы в пузо, дали очередь.

А Лев Толстой только усмехается. Автоматчики второй раз выстрелили.

Стоит Лев Толстой жив-живехонек, смеется.

Третий раз выстрелили автоматчики.

Тогда Лев Толстой как топнет валеночком, как закричит на них графским голосом:

— А ну, дурак отсюда, сукины дети! Бросай автоматы!..

Немцы кто куда. Как зайцы. И автоматы побросали.

Подобрал Лев Толстой ихние автоматы — и в лес, к партизанам. Приходит, а они спят в своих земляночках. Лев Николаевич — старичок деликатный, будить людей не стал, сложил автоматы в кучу, записку оставил и исчез.

Утром партизаны просыпаются — видят: лежат новенькие автоматы — целая куча! — и записка при них.

А в записке написано:

«Бейте, мужички, немца, как только можете. Уничтожайте это зло. Примите эти автоматы. Чем богат, тем и рад. С толстовским приветом. Лев Толстой».

В ту же ночь эти партизаны пять цистерн немецких с бензином пожгли, два штаба погромили.

Лихо воюют толстовцы!..

Леонид ЛЕНЧ

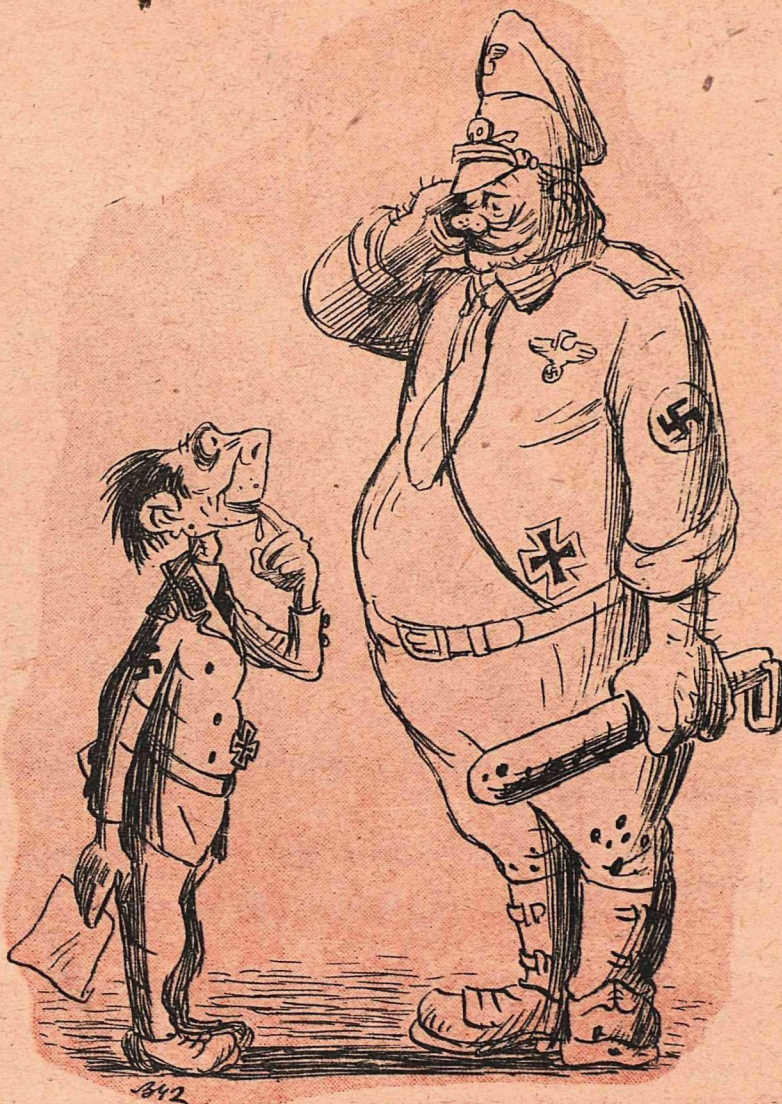
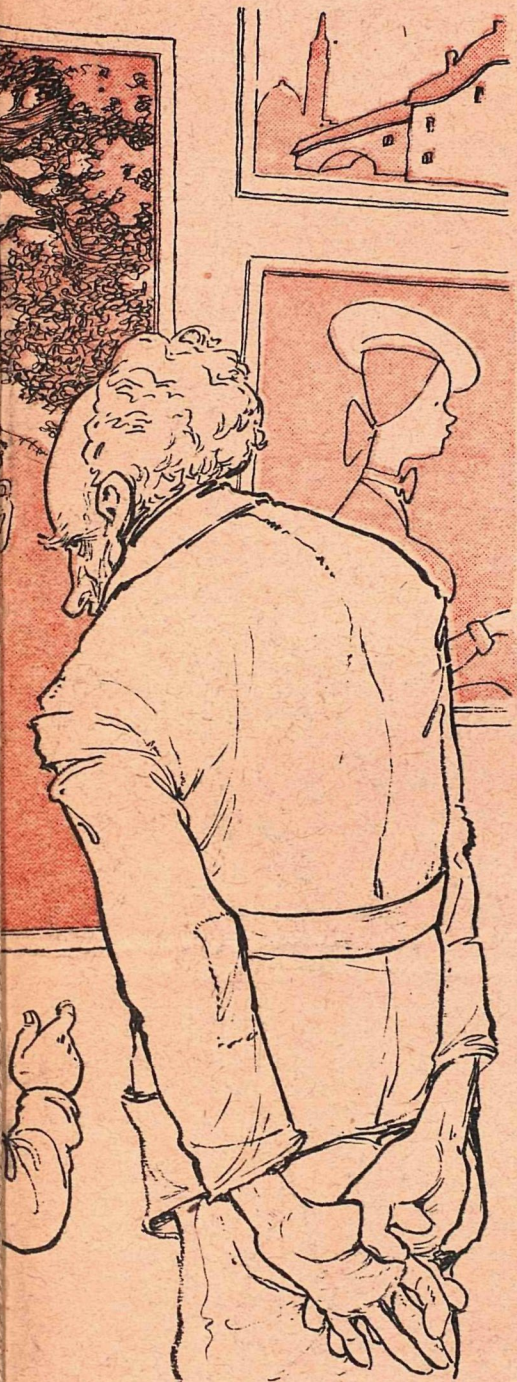
Шерсть

Внушают немцы-педагоги разбойникам с большой дороги: «Майн кинд! Продумай и поверь: германец — белокурый зверь».

Но вот вопрос: зверь этот шерстью не оброс и, позабыв классические позы, скулит в крещенские морозы.

Учтя, что Гитлер дал перед войною маху, зверь-интендант прислал газетную бумагу,

дабы согреть звериное дитя. «О, звери, разве вам нужны перчатки, шубы и штаны? Пожалуйста, укройте плечи

— Победа, господин Геббельс! Наш полк, несмотря на попытку его задержать, продвинулся к Востоку!
 — Молодцы! Где это было?
 — На вокзале в Берлине, при отправке воинского эшелона. Семь женщин убито, двадцать восемь ранено.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

В ФАШИСТСКОМ ЛОГОВЕ

Гитлер. Почему вы, генерал, вместо того, чтобы победно идти вперед, отступаете? Я вас повешу за невыполнение моего приказа.

Генерал. Нельзя ли немного подождать, фюрер? Тогда нас повесят вместе.

(«Вперед за родину»)

СРЕДИ СОЛДАТ

— Слыхали, Фриц, с сегодняшнего дня у нас главнокомандующий—Гитлер.

— То-то я смотрю, что сегодня, отступая, мы отмахали больше, чем вчера.

(«Тревога»)

О ЧЕМ ГОВОРЯТ В НЕМЕЦКИХ ОКОПАХ

1-й солдат. Послушай, Вилли: что это случилось с нашим Карлом? В такой сильный мороз он затеял стирку. Уже два часа пытается отмыть свою сорочку.

2-й солдат. Видишь ли, Карл решил выкинуть белый флаг и сдаться в плен. Чтобы сделать этот флаг, он впервые за три месяца снял с себя сорочку, а она оказалась черной, как земля.

* * *

— Как ты думаешь, Ганс: увидим мы Москву?

— Я думаю о том, увидим ли мы когда-нибудь снова Берлин.

(«Боевая красноармейская»)

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ЧАСТУШКИ

Тыл дает снарядов много
И немало пороха.

Наши воины на фронте

Бьют врага без промаха.

Фриц давно прячется в страхе:

Ног не стало, как бежать?

Разыскал в снегу он ногу.—

Надо голову искать.

Удирая без оглядки,

Немец смазал салом пятки.

Мы догоним, на дороге

Перебьем фашисту ноги.

(«Вперед за родину»)

и бумага

содился сбор теплых вещей?..

асня)

цитатой гитлеровской речи!
Немецкая не любит меха кожа,
газета — шерсть для тела и души
и так с волосяным покровом схожа,
что с ней свыкаются и вши!»

Задача решена и в частности и в целом,

заслуга интенданта в том,

что может рядовой тевтон

вчитаться в Геббельса всем телом —

ногами, задом, животом!

А не пора ли

перейти к морали?

Огнем орудий боевых

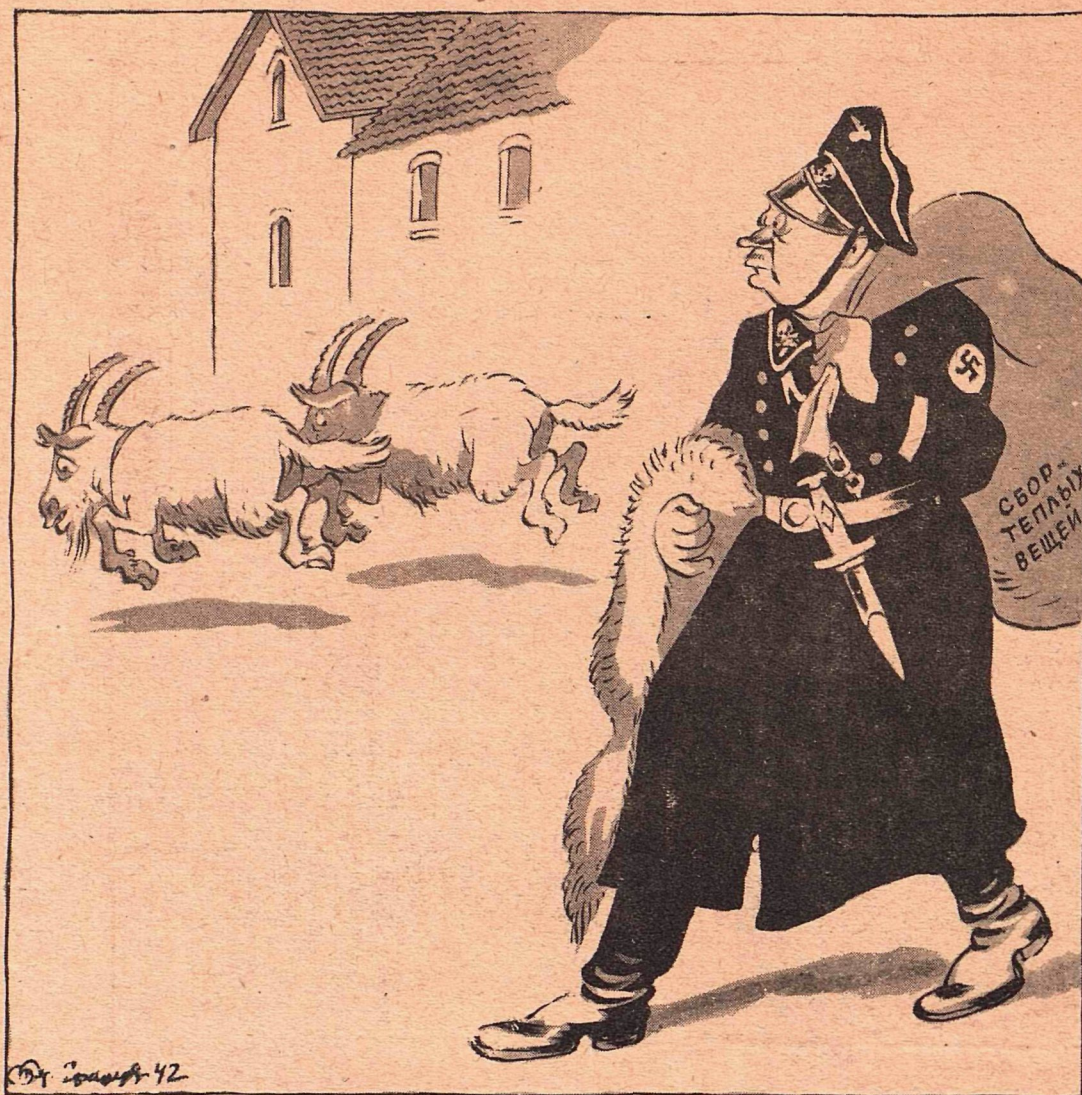
бей немцев, позабыв усталость,

чтоб шерсть газетная у них

от страха дыбом подымалась!

С. КИРСАНОВ

Калининский фронт.

— Бежим скорей!
— Зачем?
— Боюсь за свою шкуру. Видишь, гестаповец собирает теплые вещи.

Из быта фельдмаршалов

В ПОСЛЕДНЕЕ время здоровье немецких фельдмаршалов резко пошатнулось. Буквально какой-то мор напал на генералитет.

Эпидемия возникла тотчас же после неудач на Восточном фронте. Прежде всего она скопировала самого верховного главнокомандующего фон Браухича. Вслед за ним на подступах к Москве ущемил прыжку фон Бок. Где-то под Тулой при поспешном драпе застудил оба легких Гудериан. А затем уж в порядке живой очереди стали валиться и остальные...

Естественно, что в кругу ближайших родственников фашистских военачальников начался форменный переполох.

— Бедная сеспра Луиза! Подумайте только: четверо малых ребят, и муж—фельдмаршал на Восточном фронте...

— А разве с ним что-нибудь случилось, фрау Берта?

— С чем? С фронтом?

— Да нет!.. О мужем.

Фрау Берта вытерла глаза трофейным носовым платочком.

— Нет, с мужем, слава богу, еще ничего не случилось, но с фронтом случилось... Вы ж понимаете, милая Гильда, как отражается на здоровье генералов каждый отданный обратно русский город... После Ростова у Клейста нашли камни в печени, и теперь бедняга боится, что извлекать эти камни будет Гиммлер.

Фрау Берта снова вытерла глаза трофейным платочком, напудрила носик трофейной пудрой и спрятала всю свою трофейную технику в такого же уголовного происхождения сумочку.

— Ну, может быть, как раз с вашим зятем ничего и не произойдет,— попыталась успокоить ее приятельница.

— Не произойдет? — безнадежно вздохнула фрау Берта.— Если уж с самим Браухичем произошло...

— А что с Браухичем? У него тоже нашли камни в печени?

— Хуже! У него нашли камень за пазухой.. Он... — страшно даже вслух вымолвить, фрау Гильда, — во всех наших неудачах на Восточном фронте винит фюрера!.. Представляете себе, как сразу ухудшилось его здоровье?

— Он, вероятно, лежит?

— Лежит или сидит — это точно никто не знает... Скорее, сидит...

Фрау Берта распрощалась с фрау Гильдой и, уходя, еще раз вздохнула:

— Да-а... Бедная Луиза!.. Хорошо, если фюрер распорядится, чтобы ее муж заболел только воспалением легких или желчного пузыря... А если он выберет паралич сердца?!

И она тоскливо махнула рукой.

Волновались не только дамы из семей фашистских военачальников. Изрядно струхнули и сами военачальники. По ночам уцелевшие фельдмаршалы тревожно перезванивались:

— Либер Бок?.. Это говорит фон Лист.. Скажите, пожалуйста: выяснилось ли наконец, отчего умер наш друг Рейхенау?

— Выяснилось, конечно... От удара.

Лист отчаянно захохотал в трубку:

— Майн гот!.. Ах, майн гот!.. Такой на вид здоровый мужчина и скапнул от первого же удара...

— Да, но какой это был удар!

— Вероятно, апоплексический?

Телефонная мембрана нервно затрепетала от мрачного хохота фон Бока:

— Какой там еще апоплексический?! Обыкновенный вульгарный пиммлеровский удар рельсой по голове в укромном местечке...

У Листа мучительно заняло под ложечкой. Дело в том, что он только сегодня утром в самом отличном расположении духа приехал из Греции и в вагоне случайно прочитал официальное сообщение о своем пошатнувшемся здоровье...

После этого его здоровье действительно пошатнулось и у него произошло три сердечных припадка подряд.

— Ну, а как вы себя чувствуете, либер фельдмаршал? — спросил наконец Лист, немного успокоившись.

— Плохо, либер фельдмаршал...

— Тоже, небось, здоровье? Пошатнулось?

— Именно. Четыре удара уже перенес... Один под Солнечногорском, другой под Клином, третий под Волоколамском, четвертый под Калугой...

— Ну, а теперь?

— Жду пятого...

— Рельсой по голове?

— Именно... Ауфвидерзейн, фельдмаршал...

— Адью, фельдмаршал...

Они отправились спать. Ночью обоим приснился Гиммлер, который с ножом в зубах лез в окна фельдмаршалских спален ущемлять грыжи, делать параличи сердца и апоплексические удары...

Евг. БЕРМОНТ

Братья за фронтом

К вам в хаты вломились
Незваные гости —
Так пусть эти гости
Гниют на погосте!
Житья не давайте
Озлобленной твари:
Пусть всяк этой твари
Уложит по паре!
А если кто смелый
Десяток залубит, —
Никто с вас не спросит,
Никто не осудит...
Пусть гибнут фашисты
В горящем овине,
Пусть корчатся в петлях
На каждой осине!
Прогоним, порубим
Злодеев проклятых —
Все будем здоровы,
Все будем богаты!

Алексей РЕЗАПКИН

ПРИЧУДЫ КЛИМАТА

Разговор среди отступающих немецких солдат:

— Нам обещали зимовку в Москве, а мы продолжаем отходить на запад.

— Это в интересах нашего здоровья: чем западнее, тем зима мягче.

НА НЕМЕЦКОМ АЭРОДРОМЕ

— Полученный эрзац бензина не горит!
— Тем лучше: советские летчики не смогут его зажечь.

ПОПРАВИЛ

Выговор генералу от главнокомандующего:
— На что это похоже? Вместо того чтобы защищаться от нападения, вы бежали без брюк и сапог?!

— Нет-с, брюки и сапоги я в руках нес!

разумная предосторожность на случай внезапного налета партизан.

Лишние люди

Александр Федорович Липа

О СЧАСТЛИВЫХ детях говорят, что они родились в сорочке. Александр Федорович Липа родился в анкете.

Анкета у Александра Федоровича была хорошая, добротная, уютная. При взгляде на эту анкету каждый улыбался приветливо и называл Александра Федоровича Липу счастливым.

Анкета вырастила его, как заботливая няня. Она ухаживала за ним, выводила его в люди. Анкета избавляла Александра Федоровича от лишних трудов.

Постепенно анкета стала заменять Александра Федоровича Липу. Анкета приобретала черты живого человека. Напротив, в облике Александра Федоровича Липы появилось нечто бумажное.

Чем дальше сживались Александр Федорович и его анкета, тем больше они менялись местами. Так что вскоре не Александр Федорович Липа появлялся в учреждениях со своей анкетой, а анкета появлялась со своим Александром Федоровичем Липой.

Человек состоял при своей анкетке. Этого, впрочем, никто не замечал, потому что анкета была очень хорошая, и при ее по-

мощи Александр Федорович быстро скользил из одного учреждения в другое. Он нигде долго не засиживался, так что, рассмотрев анкету, не успевали рассмотреть его самого. Сохранялось лишь общее приятное впечатление.

Никто не мог сказать толком, что, собственно, делает Александр Федорович Липа, но все знали, что у него приятная анкета. И все имели дело только с ней.

Сидел Александр Федорович Липа в тресте подстаканников, где ведал учетом недоучтенных возможностей. К изготовлению подстаканников он никакого отношения не имел и ничего в этом деле не понимал, но друзья встречали его приветствием: «А, подстаканный мастер!» — и в анкете прибавился новый пункт: ответственный работник по подстаканникам.

А когда в главке нового быта потребовался управляющий отделом подоконников, то порешили: найти специалиста по бытовому обслуживанию. Выбор решила анкета: специалист по подстаканникам стал специалистом по подоконникам. Конечно, он не мог сделать ни подстаканника, ни подоконника, но поговорить мог и о том и о другом.

Так жил человек, и так жила анкета. Анкета становилась все богаче, человек — все беднее. Анкета была настоящая, человек был липовый. Но тем не менее он шел в гору, выступал на конференциях, и его даже принимали за инженера-специалиста.

В конце концов Александр Федорович Липа совсем обленился. Когда его звали, он говорил:—

— Потрудись уж ты, Анкета Ивановна. А я пока на диване полежу. Да надень, что ли, мои брюки — за меня сойдеешь.

И действительно, анкета, облачившись в шиджак и брюки Александра Федоровича Липы, вполне его заменяла.

Грянула война. По привычке анкета энергично двинулась на очередное ответственное место. Анкета была дородная, пухлая, румяная. Она протиснулась вперед, как обычно, улыбулась и протянула руку за местом.

Но неожиданно ей сказали:

— Отодвиньтесь. Посмотрим человека. Анкета отодвинулась, и тут все увидели, что за анкетой никого нет. Вместо Александра Федоровича Липы было пустое место.

ТРИО

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
 16 ФЕВ 1942
 Всес Ин Палат Получены

	Период и серия	„Лет ценный“	Журнал „лет“
Получ. в ред.	Ин.		

— Сколько лет!.. Сколько выдано в архив